

Роберт Бреннер

РАЗОРИТЕЛЬНЫЙ КРИЗИС НА МАРШЕ¹

Нынешний кризис вполне может оказаться самым разорительным со времен Великой депрессии. Он обнажает глубокие нерешенные проблемы в реальной экономике, которые на протяжении десятилетий удавалось скрывать благодаря долгам, и менее продолжительный финансовый кризис масштабов, невиданных со времен Второй мировой войны. Из-за слабости базового процесса накопления капитала и краха банковской системы этот спад оказывается таким неподатливым для властей, а его катастрофический потенциал таким серьезным. Волна взысканий по залоговым и брошенным домам — нередко разграбленным подчистую, включая выдранную «с мясом» медную электропроводку, — захлестнула Детройт и другие города Среднего Запада.

Человеческая катастрофа, которую это означает для сотен тысяч семей и их соседей, может оказаться лишь первой ласточкой настоящего капиталистического кризиса. Стремительный рост финансовых рынков в 1980-х, 1990-х и 2000-х с их эпохальным перераспределением доходов и богатства в пользу наиболее обеспеченного процента населения отвлек наше внимание от долгосрочного ослабления передовых капиталистических экономик. Экономические показатели Соединенных Штатов, Западной Европы и Японии практически по всем стандартным параметрам — росту производства, инвестиций, занятости и заработной платы — снижались, десятилетие за десятилетием, цикл за циклом, с 1973 года.

Годы, прошедшие после начала текущего кризиса в 2001 году, были худшими из всех. Рост ВВП в Соединенных Штатах был самым медленным за любой сопоставимый период времени с конца 1940-х годов, а рост числа новых предприятий, оборудования и количества рабочих мест был на одну и две трети ниже послевоенных средних показателей. Реальная почасовая заработная плата на производстве для рядовых работников, составляющих 80% всей рабочей силы, оставалась почти неизменной с конца 1970-х.

В Западной Европе и Японии ситуация с экономическим ростом была ненамного лучше. Замедление экономического роста в развитом капитали-

1 Robert Brenner, «Devastating Crisis Unfolds», *Against the Current*, No. 132 January / February 2008.

стическом мире связано с серьезным снижением доходности, вызванным прежде всего хронической тенденцией к созданию избыточных производственных мощностей, восходящей в своих истоках к концу 1960-х — началу 1970-х годов. К 2000 году в Соединенных Штатах, Японии и Германии норма прибыли в частном секторе все же немного выросла, хотя уровни 1970-х годов достигнуть так и не удалось.

В условиях падения доходности предприятия имели меньшую прибыль для приобретения оборудования и меньше стимулов для роста. Снижение доходности с 1970-х привело к постепенному падению инвестиций в процентах от ВВП во всех передовых капиталистических экономиках, а также снижению роста объемов производства, средств производства и занятости.

Продолжительное замедление темпов накопления капитала, а также отказ корпораций повышать заработную плату, позволявший поднять норму прибыли, наряду с мерами государства по сокращению социальных расходов (с тем, чтобы увеличить капиталистическую прибыль) привели к замедлению темпов роста инвестиций, потребительского и государственного спроса и, следовательно, роста спроса в целом. Слабость совокупного спроса, которая была следствием сокращения доходности, долгое время служила главным препятствием для роста в развитых капиталистических экономиках.

Для преодоления устойчивой слабости совокупного спроса правительства западных стран во главе с Соединенными Штатами пришлось пойти на значительное увеличение долга, используя для этого все более разнообразные и изощренные каналы. Поначалу — в 1970–1980-х годах — для поддержания роста государства создавали огромный государственный дефицит. Но поддерживая относительную стабильность экономики, этот дефицит в то же самое время делал ее все более застойной: правительства получали все меньшую отдачу, все меньший рост ВВП в обмен на все большие кредиты.

ОТ УРЕЗАНИЯ БЮДЖЕТА К ЭКОНОМИКЕ ПУЗЫРЕЙ

Поэтому в начале 1990-х годов в Соединенных Штатах и Европе государственные власти совершили правый поворот и руководствуясь неолиберальными идеями (приватизация и урезание социальных программ), попытались преодолеть стагнацию, создав сбалансированные бюджеты. И хотя данный факт не выглядит таким уж страшным в большинстве исторических описаний этой эпохи, на самом деле подобный сдвиг имел весьма неприятные последствия в долгосрочной перспективе.

Поскольку доходность еще не восстановилась, сокращение дефицита, вызванное попытками достичь сбалансированного бюджета, крайне отрицательно сказалось на совокупном спросе, вследствие чего в первой половине 1990-х годов и Европа, и Япония пережили серьезнейшие рецессии, а американская экономика испытала подъем, но без создания рабочих мест. С середины 1990-х годов Соединенные Штаты стали применять все более

сильные и рискованные средства для борьбы с этими застойными тенденциями. В частности, они заменили государственный дефицит традиционно-го кейнсианства частным дефицитом и инфляцией активов, то есть, по сути, кейнсианством в ценах на активы или просто экономикой пузырей.

При стремительном росте фондовой биржи 1990-х годов корпорации и состоятельные домохозяйства видели, что их богатство на бумаге существенно выросло. Поэтому они смогли брать огромные кредиты и благодаря этому поддерживать рост инвестиций и потребления. Бум так называемой «новой экономики» был прямым выражением биржевого пузыря 1995–2000 годов. Но поскольку курс акций рос несмотря на падение нормы прибыли, а новые инвестиции вели к созданию еще больших объемов избыточных производственных мощностей, вскоре последовал биржевой крах и спад 2000–2001 годов, когда доходность в нефинансовом секторе упала до самого низкого уровня с 1980 года.

Нисколько этим не напуганные, Гринспен и ФРС при поддержке других крупных центральных банков начали бороться с новым циклическим спадом, снова раздувая цены на активы, что, собственно, и привело нас туда, где мы сегодня находимся. Снизив за три года реальную краткосрочную процентную ставку почти до нуля, они способствовали исторически беспрецедентному росту заимствований домохозяйств, который одновременно подстегивал и сам подпитывался растущими ценами на жилье и увеличением благосостояния домохозяйств.

По данным *The Economist*, мировой пузырь в сфере недвижимости 2000–2005 годов оказался крупнейшим пузырем в истории и превзошел даже пузырь 1929 года. Благодаря ему стал возможен устойчивый рост потребительских расходов и инвестиций в жилье, которые были движущей силой роста. Личное потребление и строительство жилья составляли 90–100% роста американского ВВП в течение первых пяти лет нынешнего экономического цикла. В тот же период времени один только жилищный сектор отвечал за 50% прироста ВВП — 2,3% против 1,6% без учета жилищного сектора.

Из-за этого рекордного дефицита домохозяйств в сочетании с бюджетным дефицитом рейгановских масштабов, созданным при Буше-младшем, не видно было, насколько незначительным на самом деле было восстановление экономики. Рост потребительского спроса и распространение сверхдешевых кредитов не только привели к оживлению американской экономики, но и вызывали новую волну импорта и увеличения дефицита текущего баланса до рекордного уровня — и этот дефицит позволял поддерживать то, что казалось впечатляющим глобальным экономическим ростом.

ГРУБОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КОРПОРАЦИЙ

Вклад потребителей в этот рост, бесспорно, был весьма значительным, чего нельзя сказать о частном бизнесе, несмотря на сильнейшие экономические стимулы. Гринспен и ФРС раздули жилищный пузырь, чтобы дать корпорациям время избавиться от избыточного капитала и возобновить инвести-

ции. Но вместо того чтобы заняться восстановлением своей нормы прибыли, корпорации начали грубое наступление на работников. Они повышали рост производительности не столько за счет инвестиций в передовые предприятия и оборудование, сколько за счет сокращения рабочих мест и изматывания оставшихся работников. Поддерживая заработную плату на низком уровне и повышая выработку на одного рабочего, они присваивали себе в форме прибыли исторически беспрецедентную долю роста ВВП в нефинансовом секторе.

Во время этого роста нефинансовые корпорации существенно увеличили свои нормы прибыли, но так и не вернулись даже к не слишком впечатляющим показателям 1990-х. Кроме того, принимая во внимание степень, в которой рост нормы прибыли был достигнут просто за счет усиления эксплуатации, за счет принуждения рабочих трудиться больше и уменьшения им оплаты за час работы, имелись веские основания для сомнений, что это может продолжаться долго. Но прежде всего, повышая доходность за счет отказа от создания рабочих мест, увеличения инвестиций и повышения заработной платы, американские компании сдерживали рост совокупного спроса и тем самым лишали себя стимулов для роста.

В тоже самое время вместо увеличения инвестиций, производительности и занятости для повышения доходности компании стремились использовать сверхдешевые кредиты с тем, чтобы улучшить свое собственное положение и положение своих акционеров путем финансовых манипуляций, выплачивая свои долги и дивиденды и скупая собственные акции для увеличения их стоимости. В Соединенных Штатах за последние пять лет дивиденды и выкуп собственных акций в нераспределенной прибыли достигли самого высокого уровня в послевоенную эпоху. Подобные вещи происходили во всей мировой экономике — в Европе, Японии и Корее.

ЛОПАЮЩИЕСЯ ПУЗЫРИ

В результате в Соединенных Штатах и во всем развитом капиталистическом мире с 2000 года наблюдался самый медленный рост в реальной экономике начиная со Второй мировой войны и самый значительный рост в финансовой или бумажной экономике в американской истории. Не нужно быть марксистом, чтобы понимать, что это не могло продолжаться всегда.

И, конечно, точно так же, как и биржевой пузырь 1990-х, ипотечный пузырь в конечном итоге лопнул. Как следствие, циклический рост теперь обернулся спадом. Сегодня цены на жилье уже упали на 5% в сравнении с пиком 2005 года, и это только начало. К тому времени, когда в начале 2009 года ипотечный пузырь сдуется окончательно, цены на жилье упадут на 20% в номинальном выражении (и еще больше в реальном), что станет самым серьезным падением в послевоенной американской истории.

Точно так же, как положительный эффект богатства ипотечного пузыря толкал экономику вверх, так и отрицательный эффект ипотечного краха тянет ее вниз. Когда стоимость жилья падает, домохозяйства больше

не могут использовать свои дома как банкоматы, кредиты под залог жилья падают и потребление домохозяйств снижается.

Главная опасность заключается в том, что неспособные больше «сберегать» за счет роста стоимости своего жилья, американские домохозяйства внезапно начнут сберегать на самом деле, повышая уровень личных сбережений, который в настоящее время низок как никогда прежде, и снижая потребление. Понимая, как лопнувший ипотечный пузырь скажется на покупательной способности потребителей, компании сокращают наем новых сотрудников, вследствие чего с начала 2007 года наблюдается серьезное снижение темпов роста занятости населения.

В результате нарастания ипотечного кризиса и замедления роста занятости, уже во втором квартале 2007 года приток средств в домохозяйства, который в 2005–2006 годах рос темпами около 4,4% в год, упал почти до нуля. Иными словами, если сложить реальный доход домохозяйств после вычета налогов, кредиты под залог жилья, потребительские кредиты и доход от прироста капитала, то окажется, что деньги, которые домохозяйства должны потратить, перестали расти. Рост почти прекратился задолго до финансового кризиса.

Спад существенно осложняет и делает его еще более опасным кризис субстандартной ипотеки, который возник в результате раздувания пузыря на рынке недвижимости. Механизмы, связывавшие огромное число недобросовестных заемщиков, массовое лишение прав выкупа по закладной, крах рынка ценных бумаг, обеспеченного субстандартными залогами, и кризис крупных банков, которые имели огромное количество подобных ценных бумаг, требуют отдельного рассмотрения.

Пока же достаточно сказать, что раз потери банков столь реальны, даже огромны и, вероятно, станут намного больше по мере дальнейшего спада, то экономика столкнулась с беспрецедентной в послевоенный период перспективой замораживания кредита в тот самый момент, когда началось соскальзывание в рецессию — и правительствам будет необычайно сложно этому помешать.

Перевод с английского Артема Смирнова